

П. А. НИКОЛАЕВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы истории германского милитаризма вызывают ожесточенные споры в буржуазной науке.

Одна группа ученых во главе с Герхардом Риттером (ФРГ) считает, что прусский милитаризм при Фридрихе II и при Бисмарке не выступал как агрессивная сила, что после первой мировой войны Германия проводила миролюбивую политику, что в годы второй мировой войны гитлеровские генералы организовали «движение сопротивления» и что бундесвер, возглавляемый теми же генералами, оснащается атомным и ракетным оружием для «защиты западной цивилизации».

Другая группа исследователей, возглавляемая Джоном Уиллером-Беннеттом (Великобритания), критикует политику германского милитаризма, разоблачает неприглядную роль немецких генералов и дипломатов в Веймарской республике и в «Третьей империи» и напоминает о зверствах, совершавшихся гитлеровским вермахтом по указаниям его генералов и фельдмаршалов.

Третья группа специалистов, Роберт Страус-Хюпе (США) и примыкающие к нему французские и западногерманские историки, стремятся преодолеть расхождения между историками первых двух групп, убрать из истории факты, компрометирующие германский милитаризм, обосновать с помощью такой фальсифицированной «европейской истории» необходимость «интеграции Европы» и перевооружения Западной Германии.

I

Профессор Г. Риттер является, безусловно, одним из самых крупных буржуазных специалистов, впервые поставивших и осветивших ряд исключительно важных и малоизученных воп-

росов, особенно по новейшей истории германского милитаризма. Однако его подход к изучению германского милитаризма, истолкование им его истории, его концепция в целом является совершенно неприемлемой для каждого, кто стремится к объективному исследованию этой проблемы.

Порочность методологии Риттера состоит в том, что он рассматривает милитаризм в отрыве от его социально-экономической основы, отрицает классовый характер государства, возникшего на основе раскола общества на враждебные классы и, наконец, идеализируя это государство, пытается доказать, что милитаризм якобы является лишь субъективным недостатком отдельных ограниченных государственных деятелей. В основе своей эта концепция диаметрально противоположна подлинно научному методу познания общественных явлений, исходящему из того, что современный милитаризм есть порождение капитализма. «В обеих своих формах, — указывал В. И. Ленин, — он — „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при внешних столкновениях («Militarismus nach aussen»), как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)».¹

Концепция Риттера — это концепция идеолога германской финансовой олигархии и юнкерства, это идеализация прусского военно-феодального режима в соответствии с традициями «исторической школы права», отстаивавшей незыблемость неписанного феодального права, это развитие постулата Леопольда фон Ранке и Германна Онкена о примате внешней политики над внутренней, это полная реабилитация внешней и внутренней политики милитаристской Германии.²

Некоторые историки как в Советском Союзе, так и в Германии одно время полагали, что после 1945 г. Риттер выступал против германского милитаризма и только в последние годы начал оправдывать его в своих работах.³ Однако внимательное

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 169.

² Критику работ Г. Риттера см.: И. М. Майский. К возрождению германского милитаризма. «Вопросы истории», № 5, 1956; Leo Stern. 1) Gegenwartsaufgaben der deutschen Geschichtsforschung. Berlin, 1952; 2) Zur geistigen Situation der bürgerlichen Geschichtswissenschaft der Gegenwart. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1953, II, 6; а также нашу статью: «Zur Geschichte des deutschen Militarismus» («Neue Welt», Berlin, 1954, S. 1648—1657) и статью: И. И. Лунев. Апология германского империализма и милитаризма в работах Г. Риттера. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Из истории новейшего времени. М., 1959, стр. 217—260.

³ В подтверждение этой точки зрения: а) указывают на то, что после войны Риттер пытался установить контакт с прогрессивными учеными Вос-

знакомство с главными послевоенными работами Риттера дает возможность показать несостоятельность этой точки зрения.

В 1945—1946 гг., вскоре после выхода из Леертской тюрьмы, откуда его освободили советские воины, Г. Риттер написал книгу «История как воспитательная сила». Это было, как известно, трудное для германского милитаризма время. Вермахт был разгромлен наголову, его руководители осуждены и казнены, немецкая военная доктрина развенчана, прусские милитаристские традиции скомпрометированы, знамена «рейха» покрыты позором, презрением и проклятием народов. «В состоянии необычайного смятения и беспомощности стоят сегодня немцы у могилы своего прошлого, — писал Риттер, характеризуюя те дни. — Что оно вообще еще может сказать им? .. Ибо там, где не видно никакого будущего, у нас не остается возможностей и для истолкования прошлого».⁴

Тем же безысходным пессимизмом проникнута брошюра профессора Берлинского университета Фридриха Мейнке «Немецкая катастрофа», вышедшая первым изданием в 1946 г. «Немецкая история, — писал он под свежим впечатлением разгрома гитлеровского рейха, — богата трудно разгадываемыми загадками и несчастными поворотами. Но загадка, перед которой мы поставлены сегодня, и пережитая нами катастрофа превосходят в нашем представлении все прежние события этого рода».⁵

Какую же позицию занял в то время Риттер, когда даже видные государственные деятели Англии и Америки резко осуждали германский милитаризм? Нашел ли он слова для того, чтобы обличить те силы, которые привели Германию к пропасти? Вскрыл ли он преемственность, которая, как это всем известно, существовала между прусским милитаризмом времен Фридриха II и германским милитаризмом периода Вильгельма II и Гитлера?

Выяснение этих вопросов имеет решающее значение для понимания всего дальнейшего творчества Риттера.

В названной выше книге Г. Риттер указывал, что при анализе причин разгрома Германии историки обычно впадают в две крайности. Одни рассматривают этот разгром, как историческую аномалию, как «бессмысленный обрыв на пути к велико-

точной Германии; б) напоминают его статью от 16 апреля 1952 г. в газете «Kurier», дающую положительную оценку Рапалльскому договору; в) цитируют его выступление в «Stuttgarter Zeitung» 22 июня 1951 г., в котором осуждалось нападение гитлеровской Германии на СССР.

⁴ G. Ritter, *Geschichte als Bildungsmacht Beitrag zur historisch-politischen Neubesinnung*. Stuttgart, 1946, S. 7, 14.

⁵ F. Meineske. *Die deutsche Katastrophe*. Wiesbaden, 1949, S. 5.

лепному подъему», другие — как закономерное следствие ошибочного пути всего исторического развития Германии. По мнению защитников первого взгляда, гитлеровская империя обязана своим поражением «бесмысленным предрассудкам всего мира против Германии, сплетению ненависти, зависти и глупости...», а также бессмысленной случайности, приведшей к тому, что другие в самый последний момент обогнали нас в области открытия атомной бомбы и массового производства других непревзойденных по своей эффективности «орудий возмездия».⁶ Хотя Риттер безусловно сочувствовал этому взгляду, он не мог открыто солидаризоваться с ним. В 1945—1946 гг. это совершенно исключалось. Повторение модифицированного мифа об «ударе кинжалом в спину немецкого народа» было не только опасным, но и невыгодным для немецких милитаристов. Такие рассуждения могли привести только к преждевременному разоблачению их реваншистской программы. Поэтому, полемизируя с открытыми защитниками фашистской Германии, Риттер в то же время отказывался согласиться и с их противниками, утверждавшими, что вся история Германии представляла цепь вечно повторяющихся ошибок, «поистине роковой путь развития, который в один прекрасный день неизбежно должен был привести к пропасти и закончиться полным разрушением германского государства». Риттер признавал, что в политической жизни Германии было много порочного и опасного, «если мы столь часто и основательно оказывались в пропасти и терпели катастрофы». Но эти катастрофы, по его мнению, сами по себе еще ничего не доказывают. «Нельзя, — говорит он, — сводить всю немецкую историю к одному только безудержному стремлению к экспансии и к *furor teutonicus*. Это было бы грубым искажением действительности».⁷ С таким заявлением можно было бы согласиться, если бы Риттер имел в виду революционные и демократические традиции германского народа — Великую крестьянскую войну 1525 г., деятельность немецких «просветителей» XVIII в., освободительную войну 1813 г., революцию 1848 г. ... Но Риттер как раз об этих традициях думал меньше всего, когда формулировал свои взгляды по спорному вопросу. Перед его мысленным взором стояла не та Германия, которую, — как писал некогда Ромен Роллан, — «мы любим и уважаем,» ценя «ее благородные традиции, ее свободный ум, ее совесть, ее гуманизм».⁸ Его привлекает в прошлом Германии совершенно иное. Отдавая дань времени и толкуя о «новой ориентации», он тут же твердо и ясно

⁶ G. Ritter. *Geschichte als Bildungsmacht*, S. 24.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Р. Роллан. *Собр. соч.*, т. 13, М., 1958, стр. 489.

заявляет, что «пруссачество, какое бы сильное влияние оно ни оказало на дух новой (т. е. гитлеровской, — П. Н.) Германии, не являлось предшественником гитлеризма. Национал-социализм не являлся растением, выросшим на прусской земле, а представлял собой австро-баварский импорт; он являлся крайней формой вырождения неогерманского национализма, который связан не с казарменными дворами Потсдама, а с полями сражений под Лейпцигом».⁹

Этот же тезис Риттера повторяется спустя десять лет в одной откровенно монархической книге: «Существует ли картина немецкой истории?». Утверждая, что в центральную Германию фашизм пришел из Австрии и Баварии, автор договаривается до того, что будто бы «в Германии, оставшейся верной монархическим традициям, диктатура Гитлера была бы невозможна. Свержение кайзера явилось предпосылкой захвата власти (Гитлером, — П. Н.) в 1933 г.».¹⁰

Можно ли, однако, согласиться с точкой зрения о том, что фашизм — это «чужеродное тело», случайно занесенное из Австрии и Баварии? Конечно, нет!

Достаточно напомнить о торжественном заседании Рейхстага в гарнизонном соборе в Потсдаме 21 марта 1933 г. Передавая Гитлеру всю законодательную, исполнительную и судебную власть, президент Германии фельдмаршал фон Гинденбург сказал: «Пусть древний дух этого памятника славы (т. е. дух Потсдама — цитадели прусского милитаризма, — П. Н.) воодушевляет и нынешнее поколение и поведет нас... к победе».¹¹

Разве это не свидетельствует о том, что установление фашистского режима — этой террористической диктатуры германского финансового капитала — было торжественно санкционировано и одобрено прусскими юнкерами и милитаристами? Какое значение при этом имеет тот факт, что сам Гитлер был по происхождению австрийцем, а первый фашистский путч произошел в Мюнхене? И о какой пропасти между пруссачеством и нацизмом может вообще идти речь, когда между ними в действительности существовала преемственность?

Выводя такое необоснованное утверждение, Риттер делает шаг назад даже по сравнению с Ф. Мейнеке, признававшим пагубные последствия прусской муштры, которая «сужала кругозор и приводила к унификации, к бездумному угодничеству перед всеми высшими инстанциями».¹²

⁹ G. Ritter. *Geschichte als Bildungsmacht*, S. 29.

¹⁰ «Gibt es ein deutsches Geschichtsbild?». Frankfurt/Main. 1955, S. 136.

¹¹ «Dokumente der deutschen Politik und Geschichte». Bd. V, Berlin, 1954, S. 27.

¹² F. Meinecke, *ук. соч.*, стр. 23—24.

В 1948 г. Риттер, переиздавая свою книгу «Государство господства и утопия» (1940 г.) под новым заголовком «Демония власти», открыто ставит вопрос о необходимости «преодоления старого антагонизма между Центром и Западом Европы» и о принятии Западной Германии в «западное сообщество», подчеркивая, что от этого «зависит все будущее западной культуры». ¹³ Он советовал руководящим деятелям Западной Германии пересмотреть «континентальную стратегию», которая, как показал опыт Наполеона и Гитлера, не оправдала себя, и учесть опыт «островной политики», принесшей Великобританию и США успех в двух мировых войнах.

В 1954 г., накануне подписания Парижских соглашений, открывших Западной Германии путь в НАТО, Риттер выпустил новую монографию «Искусство управления государством и военное ремесло. Проблема „милитаризма“ в Германии. Том 1. Старопрусская традиция 1740—1890 гг.».

Здесь полностью отрицается агрессивный характер внешней и внутренней политики прусского короля Фридриха II, превратившего Пруссию в военный лагерь и введшего в практику метод «превентивных войн», т. е. внезапного нападения на противника. Риттер считает, что войны Фридриха носили локальный или, как он пишет, «кабинетный характер», а в стране господствовали свобода, мир и благоденствие. Это явно противоречит свидетельству очевидца, поэта Виланда, который говорил, что «король Фридрих является великим человеком, но да избавит господь бог нас от счастья жить под его палкой или скипетром». Прусский деспотизм проклинали Лессинг и Винкельмани. Даже такой умеренный либерал, как Людвиг Дею, бывший главный редактор журнала «Historische Zeitschrift», считает, что интересы Пруссии предусматривали «в конечном счете не создание прочного режима мира, а попросту расширение (границ Пруссии, — Н. П.) путем систематического длительного вооружения». ¹⁴

По мнению Риттера, милитаризм если в конце концов и появился в Европе, то не из Пруссии, а из Франции — по вине Французской буржуазной революции конца XVIII в. и в особенности Наполеона, который был «пособником монтаньяров — наиболее радикальных империалистов и поджигателей войны», ¹⁵

¹³ G. Ritter. Die Dемоніe der Macht. Betrachtungen über Geschichte und Wesen des Machtproblems im politischen Denken der Neuzeit. München, 1948, S. 11—12.

¹⁴ L. Dehio. Um den deutschen Militarismus. «Historische Zeitschrift». Bd. 180, H. I, 1955, S. 48.

¹⁵ G. Ritter. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. I. Die Altpreussische Tradition (1740—1890). München, 1954, S. 63.

«продолжателем их завоевательной политики». Ради реабилитации агрессивной Пруссии Риттер не стесняется извратить историю французской революции.

Именно наполеоновские войны, продолжает он, ознаменовали переворот в военном искусстве, нашедший свое воплощение в книге Клаузевица «О войне». Именно Наполеон — настоящий виновник увеличения численности прусской армии и усиления роли прусского генерального штаба.

Характерно, что Риттер, осуждая деятельность Гнейзенау и других сторонников создания народного ополчения в период унижения Пруссии, полностью оправдывает политику прусского военного министра фон Роона, начальника генерального штаба Мольтке и канцлера Бисмарка, создавших кадровую армию для объединения Германии железом и кровью.¹⁶

После второй мировой войны, — признает Риттер, — «казалось не было никакой надежды на то, что такая книга когда-нибудь появится в Германии». Однако в 1954 г., — продолжает он, — «меня окрыляет сознание того, что моя книга может осуществить немаловажную задачу в совершенно новой, неожиданно сложившейся для нашей страны ситуации» (т. е. когда западные державы совершили поворот от политики искоренения германского милитаризма к политике его возрождения, — П. Н.).¹⁷

Продолжением этого исследования является его книга «План Шлиффена. Критика одного мифа», вышедшая в 1956 г.¹⁸ Она интересна в том отношении, что здесь впервые публикуется подлинный текст плана Шлиффена, который (текст) хранился немецкими империалистами в глубокой тайне. В 1945 г. этот документ был вывезен в США. Но в 1956 г. после создания в Бонне министерства обороны американцы вернули его Архиву Министерства обороны ФРГ.

В мировой истории, пожалуй, немного найдется документов, в которых столь ясно и цинично были бы сформулированы планы скоротечной молниеносной войны. Исходя из того, что Германия в силу экономических, политических и географических причин не сможет выдержать длительной войны, начальник генерального штаба граф Альфред фон Шлиффен (1833—1913) предлагал коротким внезапным ударом вывести из строя Францию, затем перебросить главные силы на Восток

¹⁶ Подробный анализ этой книги с марксистских позиций см.: E. Engelberg. Über das Problem des deutschen Militarismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1956, H. 6, S. 1113—1145.

¹⁷ G. Ritter. Staatskunst und Kriegshandwerk, S. 11.

¹⁸ G. Ritter. Der Schlieffenplan, Kritik eines Mythos. Mit erstmaligen Veröffentlichung der Texte mit 6 Kartenskizzen. München, 1956.

и обрушить их на Россию, чтобы таким образом разгромить главных противников Германии поодиночке, избежав затяжной войны на два фронта и «кошмара коалиций», преследовавшего Бисмарка.

Отнюдь не осуждая авантюристического характера плана Шлиффена, Риттер сожалеет лишь о просчетах, приведших к тому, что Германии пришлось воевать на два фронта. Он считает, что война приняла бы иной оборот, если основные силы Германии были бы брошены против России.

Этими просчетами, продолжает он, умело воспользовались противники Германии. Они сфабриковали «миф» о плане Шлиффена, использовали его для пропаганды против германского милитаризма, а после победы добились включения в Версальский договор статьи 160-й, требовавшей роспуска германского генерального штаба. В годы второй мировой войны союзники приняли в Тегеране и Ялте решения об «искоренении германского милитаризма», о том, чтобы «раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб». На заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге была сделана попытка объявить генеральный штаб Германии преступной организацией.

Вот, оказывается, к чему привели Германию провалы ее руководства. Вот почему миф о плане Шлиффена стал «началом несчастья для Германии и Европы».¹⁹

Однако некоторые милитаристы находят, что даже такая защита германского генерального штаба является совершенно недостаточной. «Вступление в Бельгию в рамках плана Шлиффена оставалось актом вынужденной защиты для Германской империи, которая, как это доказано, не подготавливала агрессивной войны», — писал подполковник Гильдебранд. Ведь к чему сводились тогда планы Англии и Франции? — спрашивает Гильдебранд — и отвечает: Англия и Франция собирались напасть в августе 1914 г. на Германию точь-в-точь так же, как в октябре 1956 г. они обрушились на Египет. «За кулисами этого политического провала в Лондоне и в Париже мы видим те же самые силы, отчасти даже тех же самых лиц (речь идет об У. Черчилле, — П. Н.), которые уже один раз, действуя рука об руку в милитаристской „Entente cordiale“, наперекор всякому политическому разуму, помогли развязать войну народов, которая принесла лишь нужду и смерть народу...».²⁰

Только в свете последних событий в Египте, заканчивает Гильдебранд, можно в полной мере оценить глубокую муд-

¹⁹ Там же, стр. 93.

²⁰ E. Hildebrand. Der Schlieffenplan und der «deutsche Militarismus». «Deutsche Soldaten-Zeitung», 1957, № 1, Januar, S. 4.

рость графа Альфреда Шлиффена как полководца и государственного деятеля, который знал, «в какой смертельной опасности находилась Германская империя на пороге нового века в результате того, что она была окружена политически, и что эта опасность — оказаться раздавленной с обеих сторон — могла быть предотвращена только с помощью мероприятий, которые находят свое оправдание в ситуации самообороны, навязанной Германии». «План Шлиффена» был планом самообороны и защиты, а не планом атаки или нападения на других. Поэтому с самого начала было бы ошибочным видеть в нем «пример немецкого милитаристского мышления».²¹

Так комментировался план Шлиффена в Западной Германии накануне назначения Ганса Шпейделя на пост командующего сухопутных сил НАТО в Западной Европе.

Наиболее полно взгляды Риттера на новейшую историю германского милитаризма изложены в работе «Карл Герделер и немецкое движение сопротивления», написанной на основе изучения неопубликованных фондов Гестапо, Главного командования вооруженных сил Германии, документов Герделера и других материалов, хранящихся в Архиве Министерства обороны США в Вашингтоне.

Существование концепции Риттера сводится вкратце к следующему. Главное условие успешной деятельности государства он усматривает в сохранении равновесия между двумя факторами: искусством управления государством и техникой ведения войны. Пруссия одерживала военные победы при Фридрихе II благодаря тому, что он объединил в своих руках управление государством и руководство военными операциями. Бисмарку удалось объединить Германию потому, что он обуздал немецкий генеральный штаб во главе с Мольтке. Когда генштабисты, опьяненные победой под Садовой, хотели двинуться на Вену в 1866 г., Бисмарк не допустил этого. Когда Мольтке хотел продолжать войну с Францией после падения Седана, Бисмарк предложил быстрее подписать Франкфуртский мирный трактат.

Однако после отставки Бисмарка, полагает Риттер, равновесие между упомянутыми факторами оказалось нарушенным. Чрезмерное влияние приобрели ограниченные милитаристы вроде Людендорфа. Вместо правильной формулы Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами» — они выдвинули прямо противоположную: «Здоровая политика есть не что иное как продолжение войны иными средствами». Гражданские власти оказались слишком слабыми, чтобы обеспечить примат политического руководства над военным. В итоге Германия проиграла первую мировую войну.

²¹ Там же, стр. 4.

Спрашивается, зачем понадобилось Риттеру сочинить легенду о «вражде между военными и штатскими политиками», когда всем известно, что Бюлов, Гольштейн, Бетман-Гольвег отстаивали агрессивные цели германского империализма не менее ревностно, чем Людендорф и другие «ограниченные милитаристы»?

Оказывается, только для того чтобы, как бы парадоксально это и ни выглядело на первый взгляд, полностью реабилитировать германский генералитет во второй мировой войне.

Накануне этой войны, утверждает Риттер, обе враждующие силы — военные и штатские — поменялись ролями. Гальдер, Витцлебен, Гёппнер настаивали на сохранении мира, а штатский политик Гитлер развязал новую мировую войну.

Исходя из этой теории, Риттер приходит к следующему выводу: «Если бы на этом месте (т. е. на месте Гитлера, — П. Н.) находился настоящий государственный деятель, то в таком случае возникла бы блестящая возможность, которой еще никогда не существовало: возможность практического преодоления под его руководством всех опасностей милитаризма и использования этой сконцентрированной мощи для обеспечения европейского мира и здорового устойчивого порядка на континенте».²²

Таким «настоящим государственным деятелем» Риттер считает д-ра Карла Герделера, который готовил заговор против Гитлера и должен был возглавить кабинет после переворота.²³

Но кем же был этот «настоящий государственный деятель»? Кто стоял за его спиной? В чем состояла основа его внутриполитической и внешнеполитической платформы? Как он намеревался использовать военно-экономическую мощь германского империализма «для обеспечения европейского мира и здорового устойчивого порядка на континенте»?

Выяснение этих вопросов имеет огромное значение не только для правильного представления о взглядах Риттера на историю германского милитаризма в целом, но и для понимания многих проблем истории послевоенной Западной Германии.

В мрачной галерее деятелей милитаристской Германии Карл Герделер был весьма колоритной фигурой. Будучи начальником Финансового управления штаба X немецкой армии, он организовал в 1918 г. планомерное ограбление Белоруссии и Литвы. В 1919 г. Герделер, являясь бургомистром Кенигсберга, предложил командование XVII немецкого армейского

²² G. Ritter, Der deutsche Militarismus. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 1954, 27. März.

²³ Глубокий анализ заговора против Гитлера см.: W. Ulbricht, Zur Geschichte der neuesten Zeit. Berlin, 1955.

корпуса немедленно вторгнуться в Польшу, так как «военный разгром Польши является единственной возможностью спасти немецкую народность на Востоке». Став обербургомистром Лейпцига, Герделер требовал в 1930 г., чтобы президент Германии назначал министров, не считаясь с мнением Рейхстага, повысил возрастной ценз для избирателей до 24 лет и заменил пропорциональную избирательную систему мажоритарной. Кроме того, он предложил резко сократить строительство начальных и средних школ, ограничить подготовку преподавателей и увеличить продолжительность рабочего дня на предприятиях до 10 часов без повышения заработной платы. Эти предложения настолько понравились генеральному директору концерна Ганиэль—Ройшу, что тот предложил поставить Герделера во главе одной из самых реакционных партий Веймарской республики—Немецко-национальной народной партии. Наконец, в 1934 г. Герделер послал меморандум Гитлеру. В нем он предлагал немедленно готовиться к «решающей схватке с Россией» и возвращению Польского коридора.²⁴

Таков был Карл Герделер, монархист до мозга костей, закоренелый остальбский консерватор, непримиримый враг рабочего класса Германии и алчный империалист, мечтавший еще в 1918—1919 гг. задушить Советскую Россию и захватить Польшу.

Подстать Герделеру были и другие его единомышленники. Статс-секретарь Министерства иностранных дел барон Эрнст фон Вейцекер активно участвовал в подготовке аншлюсса Австрии и захвата Чехословакии. Посол Германии в Риме—Ульрих фон Хассель, зять адмирала Тирпитца, являлся одним из инициаторов антисоветского «пакта четырех» и оси Рим—Берлин. Начальник Абвера (отдел разведки и контрразведки главного командования германской армии)—контр-адмирал Вальтер Канарис в молодости вместе с Пфлюгком фон Гартунгом участвовал в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а позднее выполнял самые ответственные поручения Гитлера за границей, подготавливая с помощью генералов Сан-Хурхо и Франко фашистский мятеж в Испании.²⁵ Обер-бургомистр Дюссельдорфа—Роберт Лер призывал в 1933 г. к расправе

²⁴ G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954, S. 23, 36, 45, 57, 58, 68, 78, 79, 447.

²⁵ Западногерманские реакционеры дают восторженную оценку Канарису. См.: K. H. A b s h a g e n. Canaris. Stuttgart, 1949; P. L e v e r k u e h n. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Kriege. Frankfurt/Main, 1957. Зато английские авторы пишут о нем, как о хладнокровном убийце, готовом шагать через трупы ради достижения своих целей. См.: E. X. К у к р и д ж (псевдоним Эдварда Спайроу). Тайны английской секретной службы. М., 1959, стр. 81.

с евреями. В начале 1952 г., будучи министром внутренних дел ФРГ, он заявил в бундестаге, что готов вторично открыть дверь Гитлеру так же, как он сделал это в 1932 г. Робер Бош являлся владельцем одного из крупных концернов, заграничное имущество которого было во время войны спасено при активном содействии Джона Фостера Даллеса. Начальник генерального штаба — генерал-полковник Франц Гальдер непосредственно участвовал в разработке преступных планов нападения на Польшу, Францию, Югославию, Англию и Советский Союз. Наконец, среди участников заговора подвизался даже внук Вильгельма II — принц Луи Фердинанд, который еще до сих пор мечтает о прародительском престоле в Германии и даже о ... реставрации царизма в России.

Насколько реакционными были внутривластные планы Герделера, видно из его меморандума, в котором он предлагал наряду с рейхстагом создать вторую палату — Имперскую сословную палату, состоящую из директоров крупных предприятий, представителей церкви и университетов. К выборам должна была допускаться только часть населения, притом не моложе 30 лет. Правительство могло издавать законы и оставаться у власти без одобрения рейхстага. Деятельность левых партий по существу не разрешалась. Руководящая роль принадлежала только за тремя крупными буржуазно-помещичьими партиями: центром, консерваторами и либералами. Сохранялись в неприкосновенности весь старый государственный аппарат и даже единица административного деления «гау», введенная при Гитлере. Новое «Объединение немецких профсоюзов», как по организационной структуре, так и по задачам ничем не отличалось от фашистского «Германского трудового фронта». Герделер не допускал и мысли о возможности национализации крупных предприятий и проведении земельной реформы. Германия вновь должна была стать монархией во главе с Луи Фердинандом.²⁶

Внешнеполитическая платформа Герделера предусматривала: 1) сохранение Австрии, Судетской области и Клайпеды в пределах Германии; 2) формальную ликвидацию протектората Богемия—Моравия при сохранении «тесных связей» между Германией и Чехией и «независимости» Словакии; 3) восстановление границ Германии 1914 г. и возвращение ей колоний в Африке; 4) обеспечение Германии экономической гегемонии на континенте на основе ликвидации всех таможенных барьеров; 5) создание военно-политического «Европейского союза» (Гер-

²⁶ G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 274—305.

мания, Франция, Англия и др.) при руководящей роли в нем Германии.²⁷

После войны, требовал Герделер, Германия должна сохранить «достаточно сильный вермахт», который явится «ядром европейских вооруженных сил». «Европейский союз» должен стать средоточием всех сил, борющихся против большевизма. «Центральное положение, численное превосходство и исключительная творческая способность обеспечивают немецкому народу руководство этим блоком»,²⁸ — писал Герделер.

Таким образом, цели заговорщиков были ясны. В области внутренней политики они состояли в том, чтобы реставрировать в Германии монархию, сохранить власть в руках юнкеров и монополий и установить авторитарный режим, исключающий деятельность демократических партий и профсоюзов. В области внешней политики они состояли в том, чтобы расколоть антигитлеровскую коалицию, заключить сепаратный мир с Англией и США, удержать захваченные гитлеровцами государства в Европе, вернуть Германии ее прежние колонии в Африке и сохранить руководящую роль германского империализма в Европе.

Возникает вопрос: почему же группе Герделера не удалось сговориться с реакционными кругами Англии и Америки, симпатизировавшими им, а западные державы не приняли их условий сепаратного мира?

Риттер, Герлиц, Типпельскирх, Фуллер, осуждая задним числом политику западных держав, неоднократно возвращаются к этой «проблеме упущенных возможностей», но избегают ответа на этот вопрос. А ведь ответить на него не так-то трудно. Достаточно вспомнить, какой остроты достигли противоречия между Англией и Германией в колониальном вопросе, какие сокрушительные удары обрушились на Англию в Атлантике, на Средиземном море, в Северной Африке, насколько отчаянным было положение Англии, когда Черчилль говорил о том, что Англию впереди ожидают лишь «кровь, пот и слезы», насколько велика была ненависть английского народа к фашизму и его воля к победе, — достаточно представить себе все это — и станет ясно, как трудно было в то время вести переговоры о заключении сепаратного мира с гитлеровцами.

Конечно, даже в то трудное время в США и Англии нашлись политики, которые вели сепаратные переговоры с Германией. Но они не могли действовать открыто, ибо Англия и

²⁷ Там же, стр. 569. См. также: K. Sendtner. Die deutsche Militäropposition im ersten Kriegsjahr. Bonn, 1954, S. 147—149.

²⁸ G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. S. 319—320.

США не могли в то время идти на открытый разрыв с Советским Союзом, который оттягивал на себя три четверти вооруженных сил Германии и являлся единственной реальной силой, способной ускорить окончание войны в Европе и на Тихом океане. К тому же во время самих сепаратных переговоров немцы запрашивали такую цену, что их англо-саксонским партнерам, при всем их желании, было невозможно достигнуть соглашения.²⁹

Группа Герделера не посягала и не собиралась посягать на существовавший в Германии общественный и государственный строй. Наоборот, она полностью поддерживала внешнюю и внутреннюю политику германского империализма. Спрашивается, на каком же основании эти люди окружаются теперь

²⁹ Об этом свидетельствуют некоторые мало известные детали англо-германских сепаратных переговоров.

В октябре 1939 г. и январе 1940 г. в Рим приезжал офицер Абвера — д-р Йозеф Мюллер, видный деятель партии Центра, а после войны — вице-премьер-министр Баварии и лидер Христианско-Социального Союза. Хорошо зная папу Римского Пия XII, он установил через него контакт с английским послом в Ватикане — Осборном.

Мюллер предложил Англии мир на изложенных выше условиях внешне-политической программы Герделера.

23 февраля 1940 г. такие же условия выдвинул Ульрих фон Хассель во время свидания в Арозе (Швейцария) с британским дипломатом Лонсдейлом Брайенсом, о чем последний рассказывает в своей книге «Слепая победа», вышедшей в 1951 г. в Лондоне.

Эти предложения весьма понравились Осборну и Брайенсу. Однако пока предложения Мюллера и Хасселя изучались в дипломатических канцеляриях Лондона, германские войска под командованием Витцлебена перешли в наступление, опрокинули Францию, прижали британский экспедиционный корпус к Дюнкерку и показали, что они готовы силой навязать условия, выдвинутые за круглым столом в Риме и Арозе.

Такие же требования содержались в предложениях, пересланных Герделером Черчиллю в 1941, 1942 и в 1943 гг. через епископа Чичестерского, через д-ра Отто Йона, шведских банкиров Якоба и Маркуса Валленбергов и, наконец, в письмах Герделера, написанных в 1944 г.

Все эти факты заслуживают особого внимания в связи с тем, что в нашей литературе иногда выдвигаются тезисы, с которыми никак нельзя согласиться. Так, анализируя политику США в отношении Германии, В. С. Коваль в книге «Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г.» (Изд. АН УССР, Киев, 1960) утверждает, что до Сталинградской битвы руководящие круги США отбрасывали мысль о возможности мирного урегулирования с Германией, а после победы советских войск в Сталинграде сразу же собирались заключить сепаратный мир с Германией. Однако известно, что еще в 1940—1941 гг. американцы не только не отбрасывали мысль о возможности мирного урегулирования с Германией, а, наоборот, активно зондировали почву в этом направлении. Достаточно напомнить о встречах заместителя Государственного Секретаря США Самнера Уэллеса с Гитлером в начале 1940 г., о беседе советника посольства США Дональда Хита с Яльмаром Шахтом в конце 1940 г. и о разговоре американского банкира Столфорта с Хасселем в начале 1941 г. в Берлине.

в Западной Германии ореолом «героев сопротивления» и о них написаны сотни брошюр, монографий и диссертаций?

Герделер и его единомышленники прославляются для того, чтобы доказать: во-первых, что прусские генералы из старинных дворянских семей вроде Витцлебена, Клейста, Манштейна, Арнима, Штюльпнагеля, Шверина, Гарденберга и Трескова ничем не запятнали себя в прошлом; во-вторых, что прусские юнкеры, готовившие заговор против Гитлера, не несут ответственности за поражение Германии в 1945 г.; в-третьих, что эти «рыцари без страха и упрека» имеют моральное, юридическое и политическое право претендовать на руководство бундесвером; в-четвертых, что созданное такими юнкерски-буржуазными «деятелями сопротивления» государство в Западной Германии является «правовым» и носит бесспорно «демократический и миролюбивый» характер.³⁰

К такому выводу пришел и сам Риттер, который, восхваляя на съезде «Союза немецких солдат» Манштейна и других гитлеровских генералов, повторил свой тезис о том, что «милитаризм очень редко удавалось обнаружить среди солдат (речь идет, конечно, не о рядовых и ефрейторах, а о генералах, — П. Н.) и значительно чаще среди политиков» (т. е. у Гитлера, — П. Н.).³¹

Нельзя, однако, это заявление считать «последним словом» западногерманской реакционной науки. Если в 1946 г. Риттер

³⁰ Деятельности группы Герделера и ее сепаратным переговорам с западными державами посвящены многие мемуары, монографии и диссертации. Среди них отметим наиболее важные: Н. В. Gisevius. Bis zum bitteren Ende. Zürich, 1946; F. von Schlabrendorf. Offiziere gegen Hitler. Zürich, 1946; U. von Hassel. Vom anderen Deutschland. Zürich, 1947; A. W. Dulles. Germany's underground. N. Y., 1947; R. Pechel. Deutscher Widerstand. Zürich, 1947; M. Mourin. Les Tentatives de Paix dans la seconde guerre mondiale 1939—1945. Paris, 1949; A. Heusinger. Befehl in Widerstreit. Stuttgart, 1950; E. Kordt. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950; E. von Weizsäcker. Erinnerungen. München, 1950; S. P. Best. The Venlo Incident. London, 1950; L. Bryans. Blind Victory. London, 1951; E. Kosthorst. Die deutsche Opposition gegen Hitler zwischen Polen- und Frankreichfeldzug. Bonn, 1954; K. Sendtner. Die deutsche Militäropposition im ersten Kriegsjahr. Bonn, 1954; D. Ehlers. Die Methoden der Beck-Goerdeler-Verschörung. Bonn, 1955; H. Krausnik. Vorgeschichte und Beginn des militärischen Widerstandes gegen Hitler. Bonn, 1954; H. Weinkauff. Die Militäropposition gegen Hitler und das Widerstandsrecht. Bonn, 1954; G. Weisenborn. Der lautlose Aufstand. Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes 1933—1945. Hamburg, 1954.

См. также переписку между лордом-епископом Чичестерским Джорджем К. А. Беллом и британским министром иностранных дел А. Иденом. G. K. A. Bell. Bischof von Chichester. Die Ökumene und die innerdeutsche Opposition. «Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte», München, 1957, H. 4, S. 362—378.

³¹ «Deutsche Soldaten-Zeitung», 1954, 18. März.

сожалел, что у Германии не оказалось к концу войны атомной бомбы, то в 1958 г. Карл Ясперс открыто подчеркивал, что нельзя оставить бундесвер без атомного и ракетного оружия. «Если немецкой армии было бы отказано в оружии, которым обладают все остальные главные армии НАТО, разве это не означало бы ослабление армии НАТО в целом?»³² — спрашивает он, полемизируя с геттингенскими физиками — противниками атомного перевооружения ФРГ. «Было бы слабоумием, — заявляет он, — если бы государственный деятель и его народ, пока остается угроза войны, захотели бы одним ударом полностью упразднить все, включая косвенные методы ведения войны».³³ Очевидно, вершиной государственной мудрости Ясперс считает превращение Западной Германии в зону пепла и смерти. Он так и пишет: «Войны всегда существовали... Человек не изменяется... К разуму никогда не прислушивались и не будут прислушиваться».³⁴ Такова несложная «философия истории» Ясперса. Аналогичные мысли мы находим и у Ганно Кестинга — автора книги под сенсационным названием «Философия истории и мировая гражданская война»,³⁵ у профессора Фрейбургского университета неотомиста И. М. Бохенского, восхваляющего Карла Ясперса и объявляющего его «гу-манистом»,³⁶ у профессора Паскаля и др.³⁷

II

Откровенная апология германского милитаризма в произведениях Риттера и других немецких историков и публицистов вызвала возражения со стороны даже весьма консервативно настроенных английских писателей. Среди них один крупный знаток новейшей истории Джон Уиллер-Беннетт, с 1924 г. руководящий сотрудник британской информационной службы.

³² K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1959, S. 272.

³³ Там же, стр. 483.

³⁴ Там же, стр. 460.

³⁵ Сен-Симон, утверждает Ганно Кестинг, верил в то, что философия истории приведет к окончанию гражданской войны. Однако война не прекратилась. Она переросла ныне во всемирную гражданскую войну. «Окончание гражданской войны будет, следовательно, означать конец философии истории» (H. Kesting. Geschichtsphilosophie und Weltbürgerkrieg. Heidelberg, 1959, S. 326).

³⁶ J. M. Bochenski. Contemporary European Philosophy. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1956.

³⁷ Развернутую критику идеологии западногерманского милитаризма см. в коллективной работе Института общественных наук при ЦК СЕПГ «Philosophie des Verbrechens. Gegen der Ideologie des deutschen Militarismus», Berlin, 1959.

Его перу принадлежат следующие работы: «Разоружение и безопасность после Локарно» (1932 г.), «Гинденбург» (1936 г.), «Брест-Литовск — забытый мир» (1938 г.), «Мюнхен — пролог к трагедии» (1948 г.), «Немезида власти» (1953 г.), «Король Георг VI» (1958 г.). В годы второй мировой войны он возглавлял Нью-Йоркское бюро английской военно-политической миссии в США, с 1944 по 1945 г. служил советником департамента политических исследований, органа политической разведки при Министерстве иностранных дел (МИД) Великобритании. После войны он стал главным редактором десятитомной публикации трофейных документов из архива МИД Германии: «Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918/1945. Aus dem Archiv des deutschen Auswärtigen Amtes». Serie D. (1937—1945). Bände 1—10. 1950—1958. Джону Уиллеру-Беннету в силу своего служебного положения на протяжении длительного времени приходилось встречаться с немецкими дипломатами и генералами и наблюдать за их деятельностью. Хорошо знал он и Карла Герделера.

В книге «Немезида власти» (1953 г.) он подверг сокрушительной критике миф о так называемом «движении сопротивления» среди верхушки германского генералитета. «Из документов, — писал он, — видно, что ни главнокомандующий сухопутными силами, ни начальник генерального штаба не помышляли ни о каком даже малейшем сопротивлении явному намерению фюрера развязать войну, хотя они были полностью осведомлены о каждой фазе в развитии событий в эти последние решающие дни».³⁸

И далее: «Так называемый путч в сентябре 1938 г. во многом обязан литературному гению Франца Гальдера,³⁹ который

³⁸ J. W. Wheeler-Bennett. Die Nemesis der Macht. Die deutsche Arme in der Politik von 1918 bis 1945. Düsseldorf. 1954, S. 478.

³⁹ Литературные таланты Гальдера действительно неизмеримо выше его полководческих способностей. Версия о «путче 1938 г.» была пущена им в оборот на Нюрнбергском процессе с целью обеспечить себе алиби задним числом. Этот миф охотно подхватили Шпейдель, Хойзингер и другие военные преступники. Согласно их утверждениям, в сентябре 1938 г. Витцлебен и Гальдер собирались расчитаться с Гитлером, как только начнется конфликт с Чехословакией. Однако генералов подвели Чемберлен и Даладье. Они неожиданно капитулировали перед Гитлером в Мюнхене. Так сорвался «путч», который в действительности никто не собирался затевать. Это утверждение воспроизводится и в учебнике по истории для старших классов гимназий в ФРГ «Um Volksstaat»; если бы, говорится в нем, Чемберлен занял в 1938 г. решительную позицию, никакой бы войны не было. Столь же несостоятельной является и другая легенда, распространенная Гальдером, Манштейном и др. Они уверяют, что войну с СССР они выиграли бы еще в сентябре 1941 г., если бы только Гитлер согласился с ними и бросил все силы на Москву, а не распылил их по трем направлениям: на Ленинград, на Москву и на Украину.

сначала доказывал, что генералы могли бы предотвратить вторую мировую войну, если бы не вмешался Чемберлен, а теперь утверждает, что генералы могли бы выиграть войну, если бы в нее не вмешался фюрер».⁴⁰

Рисуя моральный облик гитлеровских генералов, Уиллер-Беннетт напоминает, что Гитлер третировал их так, что «поражаешься тому, как они не разорвали его на части. Но они не сделали ничего подобного. Они целовали плетку и лизали руку, которая их секла, и воспринимали побои как часть цены, которая должна быть уплачена за маршальские жезлы и ордена».⁴¹ «Наградой за проституцию явились для них деградация, жалкий сервильизм и презрение их господина».⁴² Таковы были эти «безграничные честолюбцы, неразборчивые в средствах наемники, солдаты, которые были прежде всего и больше всего солдатами и которых не интересовало ничто, за исключением их карьеры, власти и влияния».⁴³

Реваншистскую политику германских милитаристов, полагает английский историк, нельзя считать случайностью. Он подчеркивает, что «еще в Веймаре обнаружилась та линия в пропаганде, которую двадцать лет спустя подхватил Гитлер, а тридцать лет спустя — Аденауэр и Шумахер, а именно, что Германия призвана стать передовым бастионом Европы против большевизма».⁴⁴

С «Немезидой власти» перекликается книга «В нацистскую эру» (1952 г.), принадлежащая перу Луиса Намиера (1888—1960), служившего в первую мировую войну в отделе пропаганды и разведки МИД Англии. С 1931 по 1953 г. он являлся профессором новой истории Манчестерского университета.

Анализируя деятельность Кордта, Хасселя и других друзей Герделера, Намиер приходил к выводу: «Главная цель, к которой они стремились, была победа Германии, а последующая цель — перестраховка в случае ее поражения».⁴⁵

Наиболее резко против военных преступлений германского милитаризма выступил лорд Рассел, который во время войны и после окончания ее занимал высокие посты в британских вооруженных силах. Достаточно напомнить, что с 1951 по

Критику этого вздорного утверждения см. у Маршала Советского Союза А. И. Еременко (А. И. Ереме́нко. Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1958).

⁴⁰ J. W. Wheeler-Bennett. Die Nemesis der Macht, S. 447.

⁴¹ Там же, стр. 547.

⁴² Там же, стр. 549.

⁴³ Там же, стр. 316.

⁴⁴ Там же, стр. 61.

⁴⁵ L. Namier. In the Nazi Era. London, 1952, p. 100.

1954 г. Рассел являлся заместителем Верховного судьи Королевских сухопутных и военно-воздушных сил.

В 1954 г. он издал книгу «Проклятие свастики». В ней собран гигантский документальный материал, показывающий с потрясающей силой, как гитлеровцы убивали советских, британских и французских военнопленных, как они заживо сжигали людей в лагерях смерти, мучили и уничтожали женщин, детей, стариков, угоняли свои жертвы на каторжные работы и т. д.

В книге упоминается, как войска 11-й армии под командованием гитлеровского фельдмаршала Манштейна истребляли евреев на Украине и в Крыму.⁴⁶

Книга Рассела, вышедшая накануне решающих дебатов о «европейской армии» во Французском Национальном Собрании, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Она за короткое время выдержала семь изданий и была переведена на многие языки.

Кабинет Черчилля поставил автора перед альтернативой: либо отказаться от книги, либо выйти в отставку. Лорд Рассел предпочел последнее.

Однако в Англии по-прежнему раздаются голоса историков, предостерегающие от последствий альянса с германскими милитаристами. 9 мая 1955 г., когда отмечалась десятая годовщина со дня победы над гитлеровской Германией, по лондонскому радио выступил профессор истории Ливерпульского университета — Джофрей Барреклоу. «Самые ретивые поборники дела Запада в нынешней (т. е. Западной, — П. Н.) Германии, вероятнее всего, являются врагами демократии, которые используют альянс с Западом для подготовки войны и отмщенья, — сказал он. — Иными словами, они находятся в западном лагере не по убеждению, а из тактических соображений и не являются друзьями цивилизации и тех ценностей, которыми мы дорожим». «Существо немецкой политики состоит в том, чтобы выжать каждую унцию из своей ключевой позиции между Востоком и Западом. Вряд ли будет преувеличением назвать ее политикой шантажа».⁴⁷

Весьма критически относится Барреклоу и к историкам Западной Германии. Он считает, что «новое руководство германской историографии чрезвычайно хорошо перекликается с немецкой политикой в годы режима Аденауэра. После провала установить гегемонию с помощью мощного государства лучший шанс в деле завоевания господствующей позиции состоит, очевидно, для Германии в том, чтобы учредить „западное сооб-

⁴⁶ Рассел. Проклятие свастики. М., 1954, стр. 255—262.

⁴⁷ Bonn wird Erpressung vorgeworfen. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 1955, 13. Mai.

щество“ федералистского толка, направленное против Востока. В нем Германия (Западная, — П. Н.), будучи равноправным партнером, может рассчитывать на гегемонию, используя свой перевес в области экономики и народонаселения». Именно этой цели и «служат историки нового направления».⁴⁸

«При этих обстоятельствах, — пишет он, — нечего удивляться тому, что видишь перед собой с каждым днем увеличивающийся ряд книг, которые издаются хорошо субсидируемыми „исследовательскими институтами“ и которые пытаются научно доказать принадлежность к Западу бывших немецких территорий на Востоке с помощью средств искусства, права, экономической науки, литературы и других родов историографии. Следует ли после всего этого обижаться на зарубежного наблюдателя, если он отсюда делает вывод, что примирение с Западом и принятие традиций и наследия Запада осуществляется лишь с той целью, чтобы предоставить немецкой политике свободную игру на Востоке».⁴⁹

«Можно ли доверять немецким политикам в ФРГ?» — спрашивал также профессор Оксфордского колледжа Аллен Джон Тейлор. Это, по его мнению, совершенно невозможно. Как только им удалось бы воссоединить Германию на свой манер, они тотчас же поставили бы вопрос о присоединении к Германии чешских и польских земель. В связи с этим заявлением Тейлора одно из гамбургских издательств отказалось печатать его монографию «Бисмарк — человек и государственный деятель».⁵⁰

Чем же объяснить, что в Англии наряду с книгами Аллена Бэллока, Джона Фуллера и Рассела Гренфелла, оправдывающими германских милитаристов, появляются работы, критикующие и обличающие гитлеровских генералов и дипломатов?

Во-первых, появление таких произведений, которые свидетельствуют о прозорливости, мужестве, дальновидности и определенном историческом чутье их авторов, нельзя расценивать иначе, как дань антимилиитаристским настроениям английского общества, которые усилились за последние годы.

Во-вторых, эти труды отражают растущую озабоченность английской крупной буржуазии, которой приходится выдерживать одновременно растущий натиск как американских моно-

⁴⁸ G. Barraclough. *Geschichtsschreibung und Politik im neuen Deutschland*. «Aussenpolitik», Н. II, 1954, S. 727.

⁴⁹ Там же, стр. 727.

⁵⁰ «Der Tagesspiegel», Berlin, 1958, 31. Januar. А коллега Тейлора по Оксфорду — Кристофер Рейнбоу добавил: «Тот, кто забывает о прошлом, осужден на то, чтобы вновь пережить его».

полий, экономически завоевывающих Британскую империю, так и западногерманских конкурентов, отбирающих у англичан их рынки сбыта в Европе и подрывающих устои стерлингового блока в Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в Латинской Америке.

III

Профессор Риттер и другие историки ФРГ с раздражением встрелили выступления Беннетта, Рассела, Намиера, Тейлора.

«Обучение на опыте истории и деловая критика найдут многих внимательных слушателей, — писал Риттер в рецензии на книгу «Немезида власти», — наставники и клеветники вызовут только ожесточенное сопротивление. Времена „перевоспитания“⁵¹ давно миновали». «Для г-на Уиллера-Беннетта, — продолжает он, — не могло оставаться тайной, с какими невероятными трудностями, которые нельзя недооценивать, пришлось иметь дело федеративному правительству, чтобы вновь пробудить насильственно подавлявшийся военный дух немцев. Неужели же это соответствует интересам Англии — усиливать сопротивление молодых немцев против всего „милитаристского“?». Желает ли он предостеречь своих соотечественников и, возможно, французов от германского „милитаризма“? Возникает вопрос: неужели все это соответствует смыслу современной британской политики — еще больше усиливать сопротивление французов парижским соглашениям? Как же можно будет в будущем ... совместно защищать свободу Европы, если в работах по истории всегда только обнажаются новые противоречия?»⁵²

Вальтер Губач, профессор новой истории Геттингенского университета, пошел еще дальше. Если Риттер не оспаривал научных достоинств книги Уиллера-Беннетта, в частности ее громадного «ученого аппарата», то Губач считает, что книге «недостает строгости композиции, твердости стиля и точности изложения» и что вообще это скорее памфлет, чем серьезное исследование.⁵³

⁵¹ Термин «перевоспитание» — Reeducation — применялся в западных зонах оккупации Германии в первые послевоенные годы представителями западных держав в чисто демагогических целях, так как в действительности там происходило не «перевоспитание» немцев, а возрождение милитаристской и нацистской идеологии.

⁵² G. Ritter. *Nemesis der Macht? Zu Wheeler-Bennetts Buch über das deutsche Soldatentum 1918—1945.* «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 1955, 20. April.

⁵³ «Historische Zeitschrift», Bd. 182, H. 2. 1956, Oktober, S. 417—420.

Пытаясь заранее опорочить работу Рассела, Д. Шварцкопф обвинил автора в том, что он взялся разоблачать германских военных преступников, не имея якобы понятия об элементарных истинах. Он, видите ли, путает «гау» и «регирунгсбецirk», ЗИПО (Полиция безопасности, учрежденная в Веймарской Германии) и СД, входившую в службу имперской государственной безопасности, возглавлявшуюся Гейдрихом. Голословно отрицая факты о зверствах гитлеровцев, Шварцкопф клеветал на Советский Союз, обвиняя его в совершении военных преступлений.⁵⁴ «Исследователь» Михель Лютер доказывает, что палач Крыма гаулейтер А. Е. Фрауэнфельд был в отличие от Эриха Коха меценатом, художником и просветителем, призывавшим чуть ли не к братанию эсэсовцев с населением истерзанного Крыма.⁵⁵

Граф Стамати, сотрудник ведомства Альфреда Розенберга, в недрах которого был разработан чудовищный «Генеральный план Ост» об уничтожении советского народа, уверяет, что ему, Стамати, «удавалось создать острова гуманности и законности в море крови и слез».⁵⁶

Эрих Костхорст оспаривал оценку, данную Намиером в книге «В нацистскую эру» чиновникам Министерства иностранных дел Германии, утверждая, что она вызвана его предвзятым отношением к Германии вообще.

Обострение противоречий между историками капиталистических стран вызвало тревогу среди глашатаев «объединенной Европы». Некоторые американские историки дали понять, что «пора навести порядок в Европе». Так, директор Института по исследованию проблем внешней политики при Пенсильванском университете профессор Роберт Страус-Хюпе считает недопустимым, что среди «западных ученых стало модным подчеркивать волчью грызню между империалистическими странами Запада и таким образом прямо или косвенно признавать справедливость тезиса марксизма-ленинизма о перенесении классовый борьбы в область международных отношений».⁵⁷ Его возмущало, что «почти вся западная историография уделяет чрезмерное внимание соперничеству между отдельными нациями».⁵⁸ Больше всего его пугает «разобщенность социального

⁵⁴ «Der Tagesspiegel», 1955, 23 April.

⁵⁵ M. Luther. Die Krim unter deutschen Besatzung. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 3. Berlin, 1956, S. 43—45.

⁵⁶ C. G. Stamatii. Zur «Kulturpolitik» des Ostministeriums. «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», H. I, 1958, Januar, München, S. 78—85.

⁵⁷ Robert Strausz-Hupé. The Zone of Indifference. N. Y., 1952, p. 13.

⁵⁸ Там же, стр. 12—13.

сознания» народов Западной Европы, т. е. рост антиамериканских настроений, стремление европейцев к мирному сосуществованию между Востоком и Западом. Чтобы выковать Западный Союз, недостаточно, по его мнению, ликвидировать таможенные барьеры, сформировать «европейскую армию», восстановить «социальную мобильность» и заменить парламентский режим корпоративным. Чтобы втянуть народы в новые авантюры, нужно обмануть их, лишить их правильного представления о законах развития общества, внушать им, что над ними нависла смертельная угроза с Востока. В этом и состоит смысл историко-философской интеграции, рекомендуемой Страус-Хюпе. «Азия, — пишет он, — бросила Западу вызов» и, используя гитлеровскую терминологию, продолжает: «Одна тема проходит красной нитью через историю средиземноморской, европейской и западной культур: давление Азии; человек степей против человека возделанных полей; орда всадников против жителей городов; масса против формы». С беспримерным цинизмом Страус-Хюпе сожалеет о том, что американцы не поддержали Гитлера, когда он вел борьбу с «азиатским большевизмом» во имя «спасения культуры Запада». «В настоящее время, — утверждает он, — присутствие русских в Европе означает для массы европейских народов возвращение Азии в Европу».⁵⁹ И это пишется о великом советском народе, который был союзником Америки и который спас ее и многие другие народы мира от гибели и порабощения!..

Призывая к «крестовому походу» на СССР, Страус-Хюпе поднимает на щит Освальда Шпенглера, которого, видите ли, «незаслуженно внесли в список духовных предшественников нацистского мифа». Как известно, автор «Заката Европы» считал, что французы и англичане приговорены к смерти, их творческие силы иссякли, они достигли склеротической старости, они живут за счет творческих сил своего золотого века. Иное дело немцы. Это молодая, сильная, смелая нация. Он призван спасти мир. Он призван осуществить идею мировой цивилизации и мирового государства. «Мы, немцы, — рассуждал он, — не создадим нового Гете, но зато придем к Цезарю!». И хотя поражения Германии в двух мировых войнах показали полную несостоятельность претензий Шпенглера, Страус-Хюпе, очевидно, считает его труды вершиной европейской культуры. «Вся глубина предвидения Шпенглера стала очевидной в наши дни!»⁶⁰ — с восторгом восклицает он.

При этом, естественно, делается оговорка: Европа должна стать провинцией не германской, а американской империи.

⁵⁹ Там же, стр. 91.

⁶⁰ Там же, стр. 50.

Главная цель США, — пишет он, — «максимальное развитие американской мощи с тем, чтобы Соединенные Штаты могли навязать свою волю и продиктовать определенный порядок всему человечеству, стоящему на краю пропасти». ⁶¹ «Для остального мира, — заключает он, — лучшей перспективой было бы длительное вооруженное перемирие, а затем принятие Россией американских условий во избежание полного уничтожения, ибо только так человечество было бы избавлено от третьей мировой войны». ⁶²

Развивая учение Страус-Хюпе, профессор Йельского университета Хейо Хольборн уверяет в книге «Развал европейской системы государств», что американцы должны всеми силами отстаивать «единство Европы», если они не желают лишиться своего политического и морального влияния. Важную роль в «интегрированной» Европе призвана сыграть Западная Германия. Зато Россия, оказывается, никогда не имела отношения к Европе. ⁶³

Такие же мысли высказывают Майкл Флоринский в книге «Интеграция Европы» и многие др.

Проблемы «интеграции Европы» подробно обсуждались на конференциях историков в Кальве (ФРГ) в 1953 г. и в Лесебу близ Осло в 1954 г. ⁶⁴

Один из наиболее крупных конгрессов состоялся с 16 по 20 марта 1955 г. в Майнце. На нем присутствовало 300 историков из 16 западноевропейских стран. Он был созван «Институтом европейской истории» при Майнцком университете, организованном в 1952 г. по инициативе Верховного Комиссара США в Западной Германии — банкира Джона Макклоя. Конгресс проходил под лозунгом: «Европа — наследие и защита». Доклад о «духовных началах европейского единства» сделал гейдельбергский профессор Рюстов. Директор Западноевропейского института экономики, а ныне посол ФРГ в Мальгашской республике Фриденсбург говорил об истории науки и техники Западной Европы. Риттер и Лейбхольц посвятили свои речи проблемам немецкой истории. Англичанин Кристофер Даусон и француз Шарль Морез толковали о христианстве и сущности европейской культуры.

Смысл всех докладов сводился к доказательству трех тезисов. Во-первых, Россия никогда не принадлежала к Европе, так как в ней не было Реформации, а сельское хозяйство, ре-

⁶¹ Там же, стр. 296.

⁶² Там же, стр. 294—295.

⁶³ Н. Holborn. Der Zusammenbruch des europäischen Staatensystems. Stuttgart, 1955, S. 14.

⁶⁴ См.: «Вопросы истории», 1955, №№ 2 и 4.

мелко и города развивались совершенно иными путями, чем в Западной Европе. Во-вторых, Соединенные Штаты всегда принадлежали к Европе, так как население состоит из выходцев из Европы и между США и Европой издавна существовали тесные экономические и культурные связи. В-третьих, слияние всех западноевропейских государств в «европейское сообщество» является поэтому вполне «естественным процессом».

Однако организаторов конгресса постигло разочарование. Вместо похвалы их ожидали нотации. Американский профессор Роберт Уокер (Стэнфордский университет — Калифорния) порицал их за то, что они слишком долго любовались своим «наследством» вместо того чтобы заняться «обороной и сохранением своего наследия».⁶⁵

Под знаком укрепления «единства Запада» прошел и XXIV Съезд историков ФРГ в Трире в 1958 г. Президент союза историков ФРГ Германи Аубин в докладе «Структура Запада в средние века» доказывал, что Западная Европа является единственной колыбелью человеческой цивилизации. Ей всегда угрожал «Восток». Франкфуртский историк Пауль Клюке восхищался «эволюцией» Британской империи, превратившейся-де в содружество «свободных наций». Цюрихский профессор Зильбершмидт воздал должное США, как «великой державе, расположенной между Европой и Азией» и призванной «спасти» Европу. Рейнхардт Виттрам не пожалел красок, чтобы очернить внешнюю политику России за последние 250 лет.⁶⁶ Когда представители союза историков ГДР, приглашенные на съезд, пожелали высказать свое мнение по поводу этих докладов, им не было предоставлено слово.

Делу «интеграции Европы» служили также двухсторонние переговоры между историками ФРГ и других капиталистических стран. Их цель состояла в том, чтобы пересмотреть прежние оценки деяний германских милитаристов и добиться принятия согласованной «европейской точки зрения».

Инициаторами переговоров явились профессор Сорбонны — Пьер Ренувен, под редакцией которого в Париже издается многотомная история международных отношений, и профессор Жак Дроз (Клермон-Ферран). Еще в 1951 г. между Ренувеном и Риттером было подписано соглашение, которое обязывало французских историков «отказаться от легенды о немецком нашествии на Францию». В соответствии с этим соглашением истори-

⁶⁵ Europa—Erbe und Aufgabe. Internationaler Gelehrtenkongress. Mainz, 1955. (Wiesbaden, 1956, S. 272).

⁶⁶ «Historische Zeitschrift», Bd. 187, H. 3, 1959, Juni, S. 497—614.

кам Франции предлагалось согласиться с тем, что франко-пруская война возникла в 1870 г. только вследствие непомерных претензий Наполеона III;⁶⁷ что политика Германии в 1871—1914 гг. носила «явно мирный характер»; а деятельность пангерманистов безусловно преувеличивалась; что в 1919—1939 гг. Германия неизменно стремилась к сотрудничеству с Францией, которая уклонялась от него; что Германия не несет ответственности за приход Гитлера к власти.⁶⁸

Это соглашение было подтверждено конвенцией о франко-германском культурном сотрудничестве, подписанной Мендес-Франсом и Аденауэром в октябре 1954 г. в Париже. Статья XIII этой конвенции предусматривала, чтобы «учебники, особенно учебники истории, были очищены от всяких высказываний пристрастного характера, которые могли бы нанести ущерб хорошему взаимопониманию между обеими странами».⁶⁹

Конвенция вызвала негодование во Франции. Так, профессор истории Жак Мадоль, бывший член МРП, решительно протестовал против того, чтобы французские историки взялись за реабилитацию Бисмарка, Вильгельма II и Гитлера. «Должны ли они (т. е. историки Франции, — П. Н.) считать прусское государство державой, несущей культуру, и петь дифирамбы юнкерам? Может ли замалчивание зверств нацистов служить делу франко-германского примирения?» — спрашивал Мадоль и отвечал: «Конечно, нет. Народы обязаны быть правдивыми друг перед другом и в отношении их также нужно быть правдивыми. Мы окажем немецкому народу или франко-германскому примирению плохую услугу, если злодеяния, которые в течение четырех лет и больше обогрели кровью Европу, мы будем приписывать лишь немногим сбившимся с пути».⁷⁰

Альбер Мюссэ напомнил в газете «Le Monde», что уже однажды смешанная франко-германская комиссия историков занималась пересмотром учебников истории, и это дорого обошлось Франции.

«Между обеими войнами, — писал Анри Валлон, почетный профессор Сорбонны, — нашелся один человек, который занялся мирным пересмотром учебников. Это был учитель Лапьер.

⁶⁷ Этот тезис решительно отвергается профессором Жоржем Боннином, читающим курс новой истории в Оксфордском университете, в его работе: «Bismark and the Hohenzollern Candidature for the Spanish Throne. The Documents in the German Diplomatic Archives». Edited with an Introduction by George Bonnin. London, 1957.

⁶⁸ G. Ritter. Einigung der Geschichtslehrer. «Der Tagesspiegel», 1952, 6. April.

⁶⁹ «Les Lettres Français», Paris, 1954, 17—24 décembre.

⁷⁰ Там же.

Нацисты замучили его в одном из концентрационных лагерей. Позволят ли они, чтобы теперь вспоминали их преступления?...».⁷¹

Даже профессор Манжен (Париж), один из сторонников создания учебника «европейской истории», признал, что в начальных школах должна преподаваться история данной нации без каких бы то ни было искажений.⁷²

Историкам Франции делает честь их позиция, занятая в отношении Рейнской конференции, состоявшейся в апреле 1956 г. На эту конференцию были приглашены историки Франции, ФРГ, Италии, Швеции, Бельгии и Голландии. Ее цель состояла в том, чтобы выяснить причины возникновения второй мировой войны. Международный секретариат в Брюсселе умудрился утвердить основным докладчиком Жоржа Бонне, одного из главных могильщиков «Третьей Республики».

Узнав об этом, Президент Французского исторического общества и другие видные историки заявили, что они возмущены «как историки и как французы». Ни один историк Франции не поехал на эту конференцию.

Рассматривая соглашение Ренувен—Риттер как прецедент, западногерманские реакционные историки пытались навязать точно такое же соглашение англичанам. Во время совещания в 1954 г. германская сторона добивалась того, чтобы английская делегация приняла экспозе Риттера, в котором говорилось, что внешняя политика Бисмарка «в принципе отвергала всякую превентивную войну и со времени создания империи стремилась ни к чему иному, как к обеспечению европейского мира».⁷³

Но достижение соглашения с английскими историками наталкивалось на трудности. Хотя историки ФРГ несколько раз напоминали, что «французские коллеги придерживались в 1951 г. этой немецкой точки зрения», англичане не уступили. Согласованного решения по этому вопросу не было принято. Договорились только о том, что в английских учебниках будет снят тезис об англо-германском торговом соперничестве и об ответственности Германии за развязывание войны в 1914 г.,

⁷¹ «La Nouvelle Critique», Paris, 1954, № 12.

⁷² Europa-Union der Geschichtslehrer. «Der Tagesspiegel», 1955, 7. Januar. На совещании историков в Западном Берлине в 1955 г. многие датские, французские и итальянские делегаты признали, что составление учебника «европейской истории» наталкивается на непреодолимые трудности, как только речь заходит о таких деликатных проблемах, как Южный Шлезвиг, Саар и Южный Тироль.

⁷³ O. E. Schüddekopf. Die internationale Schulbucharbeit. Betrachtungen zur Zusammenarbeit englischer und deutscher Historiker nach 1945. «Aussenpolitik», 1955, H. II, S. 725—726. О переговорах между историками ФРГ и Англии в 1956 г. см.: «Times», 1956, March 31, p. 4.

а западногерманские историки воздержатся от осуждения английской политики голодной блокады.

На англо-западногерманском совещании в Брауншвейге в феврале 1960 г. директор лондонской «Wandsworth School» и британский эксперт комиссии ЮНЕСКО по учебникам истории Раймонд Кинг отметил, что в учебниках по истории для народных школ ФРГ нигде не осуждаются преступления гитлеровского режима. Напротив, учащимся напоминают «заслуги» Гитлера, который ликвидировал безработицу, построил авто-страды и присоединил Австрию к Германии. Массовое уничтожение евреев в газовых камерах, сказано в учебнике, было «ошибкой».⁷⁴ «Я думаю, что это была не ошибка, — это было преступление», — заметил Кинг.⁷⁵ В Англии обратили внимание и на другой факт.

Недавно было произведено расследование, как преподно-сится история гитлеровской Германии в школах Гессена. Про-смотр учебников для старших классов показал, что преподава-тели истории вообще не доходили до этой, как писала «Франк-фуртер Нейе Прессе», «деликатной» главы. Не менее интересно сравнить два издания учебника для школ Гессена: «Человек в смене веков». Первое издание вышло в 1949 г., второе — в 1958 г.

	1949 г.	1958 г.
История гитлеровского режима . . .	41 стр.	13 стр.
Поджог рейхстага	25 »	—
Преследование евреев	3 »	14 строчек
Движение сопротивления	8 »	—
Концентрационные лагеря	5 »	—
Преследование религии нацистами . .	2 »	4.5 строчки

Весьма поучительным является знакомство с сочинением школьного советника Фритца Симонзена «Lebendige Vergangen-heit» («Живое прошлое»), допущенное министерством культуры Баден-Вюртемберга в качестве учебного пособия по истории. В нем говорится о том, что судетских немцев включили в состав Рейха на том основании, что «империя почувствовала угрозу». Война между СССР и Германией началась потому, что «Гитлер верил в то, что Сталин скоро начнет войну с Германией». Побе-дить русских немцам не удалось вследствие морозов и растя-

⁷⁴ Как эту «ошибку» истолковывал учитель гимназии в Оффенбурге оберштудиенрат Цинд, показывал его разговор с жителем Оффенбурга — Лизером. Цинд сказал ему, что евреев было истреблено слишком мало и что он лично перерубил затылок не одной сотне евреев. После этого раз-говора преступник оставался на прежнем посту. Когда, под давлением об-щественного мнения, его вызвали в суд, он скрылся. («Der Spiegel», 1959, № 1, S. 5).

⁷⁵ «Die Welt», 1960, 27. Februar.

нутых коммуникаций. Недоволен Симонзен и действиями партизан. Он пишет, что «на их совести находится жизнь 300 тысяч немецких солдат».⁷⁶ Так воспитывается юношество в Западной Германии!

Покладистыми партнерами оказались бельгийские историки. Западногерманские историки договорились с ними о том, что бельгийцы откажутся от осуждения агрессии Германии, дважды нарушившей нейтралитет Бельгии, а в западногерманских учебниках чудовищные зверства бельгийских колонизаторов в Конго будут воспеваться как «великое дело Леопольда II и его сотрудников в сердце черного континента».

Наконец, на американо-западногерманском совещании было решено, что историки США будут рассматривать аншлюсс Австрии и захват Судетской области как «действия, соответствовавшие национальным интересам Германии», а в западногерманских пособиях будет сказано, что Германия проиграла две мировых войны исключительно вследствие недооценки военно-промышленного потенциала США.⁷⁷

Еще в 1942 г. профессор Чикагского Университета Куинси Райт подсчитал, что «за время с 1800 по 1940 г. на земном шаре произошло 278 войн, в которых доля участия Англии составила 28%, Франции — 26%, России — 23%, а Германии — всего 8%». «Господа! Вы видите, как рушится сказка о жаждущей войны Германии, если действительно объективно исследовать этот вопрос в широком историческом разрезе!» — воскликнул депутат Эрих Менде (ныне председатель Свободной демократической партии) в бундестаге, используя сие научное «открытие» как аргумент в пользу немедленной ратификации парижских соглашений.⁷⁸ Профессор Висконсинского университета — Говард Биль — сожалеет, что Теодору Рузвельту, который симпатизировал Вильгельму и походил на него, не удалось смягчить антагонизм между Англией и Германией.⁷⁹

Историк Генри Корд Майер, обосновывая историческую необходимость «объединения Европы», написал книгу «Срединная Европа в немецких мыслях и действиях. 1815—1945 гг.». Автор считает, что отказ от создания «Срединной Европы»

⁷⁶ F. Simonzen. *Lebendige Vergangenheit. Geschichtsbuch für Real- und Mittelschulen.* Stuttgart, 1953, S. 132, 161.

⁷⁷ Соглашения были подписаны историками ФРГ с историками Австрии, Голландии, Дании, Норвегии, Италии, Японии и других стран.

⁷⁸ *Dokumentation der Zeit*, Н. 91, 1955, 1. April, S. 6799. На основании того же «открытия» президент ФРГ — Т. Хейс, выступая перед Конгрессом США в 1958 г., утверждал, что Германия якобы никогда не угрожала Западу и меньше всех воевала на свете.

⁷⁹ H. Beale. *Theodore Roosevelt, Wilhelm II und die deutsch-amerikanische Beziehungen.* «Die Welt als Geschichte», Н. 3/4, 1955, S. 155—187.

в 1919 г. «в конце концов привел к концлагерям гитлеровского рейха». Для того, чтобы не допустить повторения этого, существует, оказывается, только один выход: объединить Европу от Балтийского до Эгейского морей под эгидой США. Что касается «Drang nach Osten», то в нем были виноваты не столько немцы, сколько русские, поляки и чехи.⁸⁰

Чикагский историк Джон Снель утверждает, что Веймарская республика возникла вследствие недопустимой политики Вильсона, требовавшего отречения императора Германии, упрямства Вильгельма II, цеплявшегося за корону, как утопающий за соломинку, и суетливости Шейдемана, поспешившего провозгласить Германию республикой. Опус Снеля так и называется: «Республика, основанная на упущениях».⁸¹

Так некоторые американские и западногерманские историки бесцеремонно перекраивают историю, подгоняя ее под требования главного командования Организации Северо-Атлантического пакта.

Фальсификация истории Германии принимает такой размах, что против нее начинают протестовать даже весьма консервативно настроенные исследователи.

Обращает на себя внимание работа профессора Гамбургского университета Франца Фишера о целях Германии в войне 1914—1918 гг., написанная на основе изучения неопубликованных документов Имперской канцелярии, МИД и других центральных ведомств.⁸² В ней напоминает, что немецкие империалисты добивались расчленения России и захвата Прибалтики, Белоруссии, Украины, Крыма, Донской области и Кавказа. «Отрезать Россию как от Балтийского, так и от Черного морей», — таково было требование ставки германского главного командования. Не менее агрессивные цели преследовались немецкими империалистами на Западе. В состав Германской империи предлагалось включить бассейн Лонгви-Брийе, побережье Фландрии, Льеж, Люксембург и значительную часть восточных провинций Франции. Под руководством Германии должен был быть сколочен европейский таможенный союз, включающий Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Австро-Венгрию,

⁸⁰ Н. С. Meyer. 1) Mitteleuropa in German Thought and Action. 1815—1945. Den Haag, 1955. 2) Der «Drang nach Osten» in den Jahren 1860—1914. «Die Welt als Geschichte», H. I, 1957, S. 1—8.

⁸¹ J. L. Snell. Die Republik auf Versäumnissen. Unterlassungen führen 1918 zum Zusammenbruch der Monarchie. «Die Welt als Geschichte», H. 3—4, 1955, S. 196—219.

⁸² F. Fischer. Deutsche Kriegsziele, Revolutionierung und Separatfrieden im Osten. «Historische Zeitschrift», 1959, Oktober, Bd. 188, H. 2, S. 255—277.

Польшу, Италию, Швейцарию и Норвегию. В Берлине вынашивался план создания «Срединной Африки», включая Египет, Судан, Мадагаскар и порт Дакар. Немцы претендовали на Мальту, Азорские острова и Мадейру. И, наконец, после войны Германия рассчитывала получить репарации: от США и Англии — по 30 млрд долларов, от Франции — 40 млрд франков, от Италии 10 млрд франков.

Однако эти факты несколько не смущают наиболее агрессивных идеологов германского милитаризма. «До сих пор, — рассуждают они, — немцы были слишком объективными... чересчур объективными в отношении собственного прошлого, а также в отношении истории и настоящего других народов». «Не будь слишком справедлив!» («Sei nicht allzu gerecht»)⁸³

В Брауншвейге создан специальный «Институт международных учебников» во главе с проф. Эккертом. Он издает «Международный ежегодник для преподавания истории». В нем подробно растолковывается, как именно нужно исказить историю германского милитаризма. Как писал историк Вальтер Герлицц, этот институт, субсидируемый министерством внутренних дел ФРГ, организован именно для того, чтобы «внести коррективы в односторонние представления о немецкой колонизации на Востоке и о прусских юнкерах, подвергавшихся многочисленным нападкам».⁸⁴

Узнав о выходе Брауншвейгского ежегодника, в котором было опубликовано коммюнике о переговорах с историками США, Франции и других стран, милитаристы в Западной Германии пришли в восторг. Теперь, заявила газета «Дойчер Курир», орган Свободной Демократической Партии, пожалуй, можно было бы предъявить союзникам счет о возмещении убытков, связанных с уплатой «незаконно» взыскивавшихся с Германии репараций. Однако признавая, что такое требование могло бы завести слишком далеко, газета добавляла: «Мы, немцы, довольствуемся уже одной надеждой на то, что опровержение лжи о виновности за развязывание войны будет по крайней мере учтено при пересмотре книг по истории».⁸⁵

Итак, от реабилитации прусского милитаризма времен Фридриха II и Бисмарка к полному оправданию милитаристской Германии при Вильгельме II и Гитлере, а от него — к восхвалению гитлеровских генералов, командующих бундесвером, и к требованию об уплате репараций милитаристам

⁸³ F. Ernst: Zeitgeschehen und Geschichtsschreibung. «Die Welt als Geschichte», H. 2, 1957, S. 179.

⁸⁴ «Die Welt», 1955, 30. August.

⁸⁵ «Deutscher Kurier», Frankfurt/Main, 1955, 10. Juni.

Германии за то, что они развязали две мировых войны, — таковы далеко идущие претензии немецких империалистов.

Разоблачая проекты фальсификации истории, вынашиваемые реакционными историками Запада, советская историография вместе с прогрессивными историками за рубежом должна внести свой вклад в подлинно научную разработку истории германского милитаризма, что будет способствовать борьбе за укрепление мира и безопасности в Европе.